

ФЕНОМЕН ПОСТИСТОРИИ: ТРАКТОВКА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Презумпция de ja vu: жизнь на берегу “текущей мимо реки”.

Возникший в свое время в модернистском искусстве прием de ja vu (фр. “уже видел”) был основан на предполагаемой ассоциативной связи некоторого феномена с феноменом, имевшим место в прошлом (классическим образцом de ja vu в кинематографии, например, считается повтор в силуэте ночных небоскребов силуэта горного массива в “Кинг-Конге”). В постмодернизме фигура de ja vu обретает статус программной установки на переживание наличного культурного состояния в качестве исключаящего какую бы то ни было претензию на новизну (согласно Ж.Деррида – принцип “всегда уже”).

По вопросу оценки прошлого, таким образом, постмодернизм аксиологически оппозиционен модернизму. Последний артикулирует себя как авангардизм и решительно отсекает саму идею не только детерминационной, но какой бы то ни было связи с прошлым. Негативное отношение к классике демонстрируют программные концепции практически всех направлений модернизма: в диапазоне от простого неприятия традиций в экспрессионизме и кубизме до агрессивно-эпатажных форм борьбы с традициями в футуризме, дадаизме, искусстве pop-art. Типичной в этом отношении является эстетическая концепция дадаизма, чьи манифесты провозглашают: “Дада – это революция и отсутствие начала” (Х.Балль); “Дадаизм не противостоит жизни эстетически, но рвет на части все понятия этики, культуры и внутренней жизни” (Р.Хюльзенбек) и т.д. [2, с. 317; 16, с. 118–119]. Таким образом, согласно оценке У.Эко, “авангардизм... пытается расщелкаться с прошлым. ... Авангард разрушает прошлое” [17, с. 227].

Позиция постмодернизма в отношении прошлого радикально иная: в ее основе лежит эксплицитная констатация: *все уже было*, было в смысле онтологической событийности (знаменитое “ничто не ново под луной” в новой аранжировке), было в смысле спекулятивном (обо всем уже сказано), было, наконец, в смысле программно-методологическом (обо всем не только сказано, но – после модернистских инновационных изысков – сказано всеми возможными способами). По саркастическому замечанию Г.Гросса, «у неоклассиков есть только “Три яблока” Сезанна, которыми – видит Бог – уже питалось все предшествующее поколение».

Итак, постмодерн, по собственной оценке, попадает под власть прошлого: “...прошлое ставит нам условия, не отпускает, шантажирует нас” (У.Эко). Презумпция de ja vu в культурной ситуации постмодерна обретает не только универсальный, но и парадигмальный статус.

И если в модернизме это означало бы тупик, ибо под сомнение была бы поставлена сама возможность творчества, чьим неперемным условием были новаторство и оригинальность (ср.: у В.Полякова: “Песни спеты, перепеты – // Сердце бедное, молчи...”), то для постмодернизма здесь открывается радикально иная перспектива. Позитивный потенциал постмодерна как раз и заключается в конструировании им способа бытия в условиях культурно-символической вторичности, невозможности сказать то, что еще не было сказано (процесс творчества как перманентное сталкивание автора с ситуацией de ja vu зафиксирован уже у Х.Л.Борхеса: “...взялся переделывать... ...Посещало странное чувство, что все это уже было”). Способ этот заключается в программном признании того факта, что новация в традиционном ее понимании в принципе невозможна, однако само это признание своей неоригинальности, фундированное тотальной иронией, может стать базисом и актом творчества. Как пишет У.Эко, “ответ постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: раз его нельзя разрушить ... его нужно пересмотреть – иронично, без наивности” [17, с. 228].

Применительно к социально-историческому контексту это означает, что, как пишет М.Бланшо, “мы в большей или меньшей степени живем под знаком завершившейся истории, уже на берегу текущей мимо реки” [4, с. 68].

“После времени”: переписывая историю заново.

Традиционный концепт “история” (в классическом смысле этого слова, предполагающем наличие онтологической событийной процессуальности) сменяется в постмодернизме понятием постистории, задающим новое видение социальных процессов, которое фундировано: 1) отказом от линейного видения социальной динамики; 2) отказом от идеи имманентной логики истории, ее “латентного смысла” (Ж.Деррида); 3) отказом от идеи референции, предполагающим в данном

контексте наличие самодостаточной социальной реальности; 4) отказом от возможности новизны. Термин “постистория” был введен А.Геленом; в собственно постмодернистском смысле (“преодоление истории как преодоление историцизма”) использован Дж.Ваттимо в 1991 г. в работе “Конец современности”.

Если при переходе от традиционной культуры к классической происходит отказ от циклической модели времени в пользу линейной, то переход к культуре постмодерна знаменуется отказом философии от линейной концепции времени: по Ж.Бодрийяру, “история – это наш утраченный референт”.

Понимание истории как линейного разворачивания событийности из прошлого в будущее, предполагающее усмотрение в последовательности событий однозначной причинной связи и вытекающей из этого возможности одного (так называемого правильного) прочтения события, сменяется в постмодернизме установкой на интерпретационную плюральность истории. Как пишет Ж.Бодрийяр, «история была могучим мифом ... который поддерживал одновременно возможность “объективной” связности причин и событий и возможность нарративной [от *narratio* – рассказываю. – М.М.] связности дискурса» [6, с. 40]. Постмодернистское же видение социальной процессуальности принципиально нелинейно: по оценке Ж.Деррида, “чему ... не следует доверять, так это метафизическому концепту истории”, который “привязан не только к линейности, но и ко всей системе импликаций (телеология, эсхатология ... известный концепт преемственности, истины и т.д.)” [7, с. 102].

Важнейшим основанием введения концепта “постистория” выступает для постмодернистской философии презумпция “конца истории”, получающая в постмодерне – наряду с традиционными оптимистической (Ф.Фукуяма) и пессимистической (С.Хантингтон) аранжировками – и новую свою артикуляцию. Речь идет именно об отказе от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее. Ж.-Ф.Лиотар констатирует “упадок того доверия, которое западный человек на протяжении последних двух столетий питал к принципу всеобщего прогресса человечества” [11, с. 57–58].

Постмодерн осознает себя как постсовременность, процессуальность которой разворачивается “после времени”: по оценке А.Кожева, “как бы то ни было – История закончена” [10, с. 312]. Разворачивая процессуальность своего бытия в ситуации “постистории”, современность тем самым “переписывает время”, разворачивая линейный вектор истории и ломая его.

From History to Story: историк как “рассказчик”.

Сосуществование в едином пространстве постмодернистской культуры взаимоисключающих сколов различных культурных традиций порождает “невозможность единого зеркала мира”, не допускающую, по мнению К.Лемерта, формирования такой картины социальности, которая могла бы претендовать на статус универсальной модели истории [19]. В общем контексте “постметафизического мышления” Б.Мак-Халл формулирует принцип “запрета на метафизику (*unlicensed metaphysics*)” [20].

В этом контексте событие определяется М.Фуко, Ж.Делезом, Ф.Гваттари как феномен, обладающий особым статусом – статусом эффекта. Смысл события трактуется не как фундированный онтологией исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией. В допостмодернистской философии истории оценочные акценты расставлялись иначе: например, в трактовке М.Блока история, прозябавшая “в эмбриональной форме повествования”, не могла претендовать на статус “серьезного аналитического занятия” [5, с. 11]. Однако уже Х.Арендт, отталкиваясь от того факта, что в античности под героем понимался свободный участник Троянской войны, о котором мог быть рассказан рассказ (история), отмечала: “...то, что каждая индивидуальная жизнь между рождением и смертью может... быть рассказана как история с началом и концом, есть... доисторическое условие истории (*history*), великой истории (*story*) без начала и конца” [1, с. 136].

Ориентация на “повествовательные стратегии” в их бесконечной плюральности оценивается постмодернистскими авторами (Д.В.Фоккема, Д.Хейман и др.) в качестве основополагающей для современной культуры, что может быть оценено как усиление в современной философии истории позиций историцизма, строящего свою методологию на презумпции неповторимой уникальности каждого события, чья самобытность не может быть – без разрушающих искажений – передана посредством всеобщей дедуктивной схемы истории. И как событие не возводится историком в поисках его смысла к некой общей, изначальной, проявляющейся в каждом событии

закономерности, так и рассказ о событии не возводится к исходному, глубинному, объективно наличному смыслу этого события. Смысл рассказа, напротив, понимается как обретаемый в процессе наррации, т.е. мыслится как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия рассказчика.

Это означает, что история как теоретическая дисциплина конституируется в постмодернизме в качестве нарративной (А.Дж.Тойнби, П.Рикёр и др.). История как таковая может мыслиться в пространстве постмодернистской философии не иначе, нежели в качестве “формы словесного дискурса”, жанрово варьирующейся в диапазоне от романа и трагедии до комедии и сатиры (Х.Уайт). А историография в этом контексте может быть конституирована лишь в качестве нарратологии – теории рассказа.

Итак, рефлексия над прошлым – это для постмодернизма лишь рассказ, организованный извне посредством внесленного рассказчиком сюжета. Центральным моментом этой процедуры является финал, завершение повествования. Собственно, нарратор и выступает прежде всего как носитель знания о предстоящем финале истории, и лишь в силу этого обстоятельства он и может являться рассказчиком, принципиально отличаясь от другого субъекта нарратива – его героя, который, находясь в центре событий, тем не менее лишен знания тенденции их развития и перспектив завершения.

Данная идея типична уже для предваряющих постмодернистскую философию авторов. Так, Р.Ингарден понимает “конец повествования” в качестве именно того фактора, который задает простой хронологической последовательности событий семантическую значимость: лишь завершённая история обретает свой смысл. Процессуальность рассказа мыслится Р.Ингарденом как разворачивающаяся в контексте (“в свете”) своей детерминированности со стороны “последней” (“кульминационной”) фразы повествования [9, с. 30]. Согласно Х.Арендт, специфика исторического события как предмета рассказа заключается в том, что оно обретает смысл только ретроспективно: “в отличие от производства, где свет, в котором следует судить о закономерном продукте, задается образом или моделью, ранее воспринятой глазом ремесленника, свет, который освещает... все исторические процессы, возникает только в их конце, часто, когда все участники мертвы” [1, с. 140].

В рамках постмодернистской концепции истории (Дж.Каллер, А.Карр, Ф.Кермоуд и др.) фундаментальной становится идея основополагающего значения финала для конституирования нарратива как такового. Именно наличие определенного “завершения”, изначально известного рассказчику, создает своего рода поле тяготения, приводящее все сюжетные векторы к одному семантическому фокусу. В рамках подобной установки будущее (в качестве финала нарратива) фактически выступает аналогом того, что в синергетике называется аттрактором (от лат. attractio – притягиваю), т.е. тем будущим состоянием системы, которое определяет тенденции ее настоящего.

В русле общего критического отношения постмодернизма к любым попыткам создания онтологии социальная концепция постмодернизма (З.Бауман, С.Бест, Дж.Ваттимо, Р.Виллиамс, Д.Келлер, Д.Лион, Б.Смарт) постулирует программный отказ от попыток создания единой и исчерпывающей картины социальной реальности, практически постулируя несостоятельность концептов “история” и “общество” как претендующих на фиксацию внеположенной дискурсивной практики событийности.

“Переоткрытие времени”: отказ от линейной модели истории.

Согласно постмодернистскому видению современности, “мы обитаем... скорее в синхронном, чем в диахронном” мире (Ф.Джеймисон). Перманентное настоящее культуры постмодерна принципиально нелинейно: современная культура описывается Ж.-Ф.Лиотаром как “монстр, образуемый переплетением различных сетей разнородных классов высказываний... Нет никакого основания полагать, что возможно определить метапредложения, общие для всех этих языковых игр, или что временный консенсус ... может охватить... всю совокупность высказываний, циркулирующих в человеческом коллективе” [12, с. 157].

В контексте сказанного концепция постистории резко оппозиционна метафизике как совмещающей в себе все характерные для линейного детерминизма посылки: по оценке М.Фуко, “помещая настоящее в происхождение, метафизика заставляет поверить в тайную работу предназначения, которое стремилось бы прорваться наружу с самого начала”. Базовой презумпцией постмодернистской концепции постистории выступает, таким образом, отказ от фундировавшего западную философскую традицию логоцентризма. В качестве предмета своего

интереса М.Фуко постулирует “не столько предусмотрительное могущество смысла, сколько случайную игру доминаций”, и если линейной версией истории создана особая “Вселенная правил, предназначенная... для того, чтобы утолить жажду насилия”, своего рода интерпретативного своеволия в отношении спонтанной событийности, то, согласно постмодернизму, “грандиозная игра истории – вот кому подчиняются правила”. Моделируемый философией постмодернизма событийный процесс подчинен детерминизму принципиально нелинейного типа. М.Фуко пишет: “Мир – такой, каким мы его знаем, – в итоге не является простой фигурой, где все события стерты для того, чтобы прорисовались постепенно существенные черты, конечный смысл, первая и последняя необходимость, но, напротив, – это мириады переплетающихся событий...” [15, с. 89].

Подобно “переоткрытию времени” современным естествознанием, вводящим презумпцию темпоральности в самое содержание когнитивных процедур¹, переосмысление феномена темпоральности осуществлено и в философии постмодернизма. Безусловно, его очевидная гуманитарная ориентация предполагает изначальное включение идеи темпоральности в его фундаментальные основания. Поэтому эксплицитно выраженный и программно артикулированный новаторский пафос постмодернизма направлен как раз на включение в сферу рассмотрения гуманитаристики феномена пространства (концепции плоскости, складки и т.п.). Как пишет Ф.Джеймисон, наличная “диахрон-ность” современности – причина того, что “в нашей повседневной жизни, нашем психологическом опыте, наших культурных языках сегодня доминируют скорее категории пространства, чем времени, как это было в предшествующий период модернизма” [8, с. 130]. Тем не менее несколько моментов обращают на себя внимание. Прежде всего, постмодернизм преемственно продолжает не художественную традицию модернизма с ее программным отказом от идеи прошлого, от идеи преемственности, а вместе с ними – и от идеи времени как такового, но традицию неклассической философии, глубинным образом ориентированной на осмысление феномена времени. “Переоткрытие времени”, совершенное в неклассическом естествознании синергетикой, в неклассической философии было осуществлено М.Хайдеггером, показавшим, что глубинная проблематика всякой онтологии коренится в феномене Времени. Содержательно “Бытие и Время” М.Хайдеггера (конституирование События как введение Времени в Бытие) есть не что иное, как поворот философского мышления “от бытия к становлению” (согласно И.Пригожину).

Именно в рамках этой традиции постмодернизм впитывает в свое содержание, наряду с хайдеггеровской идеей “поэтического мышления”, обретающей в постмодернистском концептуальном пространстве статус универсальности (Д.Халибуртон), и презумпцию времени. По признанию Ж.Деррида, его концепция была бы в принципе невозможна “без внимания к тому, что М.Хайдеггер называет разницей между бытием и сущим” [7, с. 19–20]. Собственно, неклассическая философия и отличается, по оценке А.Турена, тем, что современность мыслится как эпоха радикального отказа от самой идеи общества как некой вневременной константы и замены ее идеей “перманентной социальной трансформации”, фундированной презумпциями транзитивности и темпоральности [22, с. 28]. Практически вся неклассическая философия имманентно включает проблематику времени, и для тех авторов, которые выступили по отношению к постмодернизму в качестве предтеч, это особенно характерно. Например, по оценке П.Рикера, для Х.Арендт, моделировавшей “нетоталитарную вселенную” (не только в узко политическом смысле, но и в широком смысле отказа от принудительной каузальности), “наиболее отвечавшим новому исследованию критерием была оценка различной человеческой активности с точки зрения ее продолжительности во времени” [21, с. 198]. Важнейшую конституирующую роль играет фактор времени в сартровских аналитиках субъективности, оказавших серьезное влияние на постмодернистское истолкование проблемы субъекта. Так, Ж.-П.Сартр отмечает, что “время – это ... связь, и Я имеет временной характер даже в самом своем

---

¹ Термин “переоткрытие времени” предложен И.Пригожиным в контексте синергетической модели времени как процессуальной конструкции. Именно факт переоткрытия времени синергетика фиксирует в качестве важнейшего результата своих исследовательских усилий (И.Пригожин, Б.Мизра, Г.Николис). Синергетические исследования (М.Маркус, Б.Мизра, Д.Н.Паркс, Дж.Трифт, Б.Хесс, С.Хокинс и др.) показали, что фактор времени оказывается содержательно значимым и в плане специфики образующихся в ходе самоорганизации системы макроструктур. Синергетикой зафиксировано такое явление, как “память химической реакции”(А.Баблюнц), выявлено, что “у биологических систем есть прошлое”, сформулирован интегральный тезис о том, что “материя как объект современных физических законов не есть данность, но продукт истории”(И.Пригожин, И.Стенгерс).

бытии. Это значит, что Я не просто не боится времени, оно нуждается в нем для самоосуществления” [14, с. 27–28].

Что же касается непосредственно философии постмодернизма, то проблема времени конституируется ею непосредственно в контексте теоретических моделей самоорганизационных процессов. Так, в рамках номадологического проекта Ж.Делеза и Ф.Гваттари в качестве одного из центральных формулируется вопрос: “Не дан ли тут уже способ иного прочтения времени?” [18]. Аналогично в “генеалогии” М.Фуко ставится цель “превратить историю в противоположность памяти и, как следствие, развернуть в ней иную форму времени”. Речь идет именно об отказе от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее. Таким парадоксальным образом постмодернистская презумпция “конца истории” обретает смысл переоткрытия времени.

В общем контексте ориентации современной культуры на идею нелинейности трактовка времени в постмодернизме акцентирует внимание на тех его аспектах, которые выступают центральными и для синергетики.

Прежде всего речь идет об идее необратимости времени. Если для синергетической парадигмы идея необратимости времени выступает в качестве фундаментальной, то и постмодернизм, например применительно к текстовому анализу (Р.Барт), формулирует “принцип необратимости”, согласно которому фабульное построение нарратива (сюжетный “код загадки”, ведущий фабулу “от вопроса к ответу”) задает фундаментальную и неизбежную “необратимость рассказа” [3, с. 460]. Как базисная для постмодернизма презумпция интертекстуальности, так и более частные (авторские) концептуальные фигуры (“след”, “отсрочка” и “замещение” у Ж.Деррида, “память знака” у Р.Барта и т.д.) фактически фиксируют ту же идею зависимости наличного состояния системы от специфики протекания ее предшествующей эволюции, что и столь значимые для синергетики фигуры “памяти химической реакции” или “обретения системой прошлого”. В контексте программного для постмодернизма интертекстуального стиля, который М.Морриссеттом был обозначен как “цитатное письмо”, текст обретает смысл лишь в том плане, что отсылает к иным (уже известным, принадлежащим прошлому) текстам и смыслам. Текстовая семантика фундаментально зависит от происхождения (как литературного, так и общекультурного) каждой из слагающих ее цитат, от истории всех ее предшествующих контекстов, от сложившейся в отношении ее интерпретационной традиции, т.е. от того, что на языке синергетики именуется “предысторией системы”.

Постмодернистские формулировки иногда непосредственно совпадают в данном аспекте с используемыми синергетикой, как совпадают подчас даже названия базовых концептуальных работ (Prigogine I. From Being to Becoming – в синергетике, Lyotard J.-F., Thebaud J.-L. Just Coming – в постмодернизме). Так, например, Ю.М.Лотман пишет о тексте, что, “обнаруживая способность конденсировать информацию, он (текст. – М.М.) приобретает память” [13, с. 131]. Семиозис текста предполагает наличие в нем множества различных кодов, которые Р.Барт определяет как «определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть конкретная форма этого “уже”, конституирующего всякое письмо» [3, с. 456]. В свою очередь каждый конкретный знак являет собой продукт определенного семиотического процесса, что не только не является безразличным для его настоящего функционирования, но и определяет его специфику посредством того, что Р.Барт называет “памятью знака”. Аналогично у Ж.Деррида структурирование текста “неотделимо от *временения-овременивания*” [7, с. 146].

Феномены времени и смысла в контексте постмодернистской философской парадигмы оказываются теснейшим образом связанными, причем эта связь выступает как содержательная и двусторонняя. С одной стороны, как это показано Ю.Кристовой, смысл обретает свою определенность именно в контексте темпоральности (известная конъюнкция Кристовой “время и смысл”), с другой – процедуры смыслопорождения не являются безразличными для осуществления процессуальности времени. Так, по наблюдению Ж.-Ф.Лиота-ра важнейшим “аспектом нарративного знания, заслуживающим внимательного рассмотрения, является его воздействие на время. Нарративная форма подчиняется ритму, она является синтезом метра, разрывающего время на равные периоды, и акцента, который изменяет долготу и интенсивность некоторых из них” [12, с. 148].

Время, таким образом, так же, как и в синергетике, мыслится в постмодернизме в качестве конструкции. (Небезынтересно, что именно эта дескрипция времени встречается и у П.Валери, к

анализу творчества которого охотно обращается постмодернистская рефлексия.) Следовательно, высказанный в свое время А.Н.Уайтхедом тезис о том, что «выяснение смысла высказывания “все течет” снова есть одна из главнейших задач» [23, с. 240–241], обретает ныне новый пафос, выступая равно актуальным как для естественнонаучной, так и для гуманитарной сфер современной культуры.

Важнейшим моментом является в данном контексте то обстоятельство, что, подобно синергетике, постулировав свою ориентацию как поворот от аналитики *бытия* к исследованию *становления*, философия постмодернизма не останавливается на этом, выдвигая идею о необходимости синтетического объединения двух указанных аспектов видения реальности. Хотя данная установка и не сформулирована в философии постмодернизма в эксплицитной форме, тем не менее на уровне предметных аналитических разверток она присутствует в концепциях практически всех классиков постмодернизма. Наиболее ярко это представлено в модели исторического времени Ж.Делеза, где перманентное и плюральное становление (хронос) и линейное разворачивание его единичной эволюционной версии (зон) есть лишь два разных способа человеческого прочтения темпоральности. Идея неразрывности бытия и становления, их фундаментального единства может быть обнаружена и в постмодернистской нарратологии. Так, Ж.-Ф.Лиотар специально останавливается на этом вопросе. Согласно его модели, темпоральность нарратива не развернута в линейную структуру от прошлого к будущему, но спрессована в актуальную презентативность: именно рассказывание в настоящем разворачивает каждый раз призрачную временность, простирающуюся между “я слышал” и “вы услышите”. Аналогичную ориентацию демонстрирует и текстологический вектор постмодернизма [7, с. 50–51].

Важнейшим следствием интерпретации времени в качестве конструкции для современного естествознания и философии выступает возможность нравственной его артикуляции: как для постмодернизма время артикулируется в категориях нравственной ответственности (по Ж.Делезу, “нет больше Адама-грешника, а есть мир, где Адам согрешил”), так и для синергетики время – “это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую этическую ответственность” (И.Пригожин, И.Стенгерс).

Таким образом, постмодернистская концепция постистории оказывается созвучной тем значимым парадигмальным сдвигам в стиле мышления, которые во многом определяют специфику современной культуры в целом.

1. *Арендт Х.* Ситуация человека // Вопросы философии. – 1998. – № 11. – С. 131–141.
2. *Балль Х.* Манифест к первому вечеру дадаистов в Цюрихе // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – С. 316–317.
3. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 424–461.
4. *Блانشо М.* Опыт-предел // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 63–77.
5. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
6. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна.: Сб. переводов / Под ред. А.Р.Усмановой. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 32–47.
7. *Деррида Ж.* Позиции. – Киев: Л.Д., 1996. – 192 с.
8. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 118–137.
9. *Ингарден Р.* Двухмерность структуры литературного произведения // *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 572 с.
10. *Кожев А.* Конец истории // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 311–312.
11. *Лиотар Ж.-Ф.* Заметка о смыслах “пост” // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 7–14.
12. *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодернистское состояние: Доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
13. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т.– Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 129–133.
14. *Сартр Ж.-П.* Один новый мистик // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 11–44.

15. Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 78–97.
16. Хюльзенбек Р. Дадаистский манифест 1918 года // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – С.318–320.
17. Эко У. Из заметок к роману “Имя розы” // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века.– М.: Прогресс, 1986. – С. 224–229.
18. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie: L’Anti-Oedipe. – P., 1972. – 470 p.
19. Lemert C. Postmodernism is not What You Think. – L.; Oxford, 1997. – 185 p.
20. McHal B. Constructing Modernism. – L.; N.Y., 1998. – 342 p.
21. Ricoeur P. Oneself & Another. – Chicago, 1992. – 247 p.
22. Touraine A. Critique de la modernité. – P., 1992. – 228 p.
23. Whitehead A.N. Process & Reality: An Essay in Cosmology. – L., 1933. – 312 p.
-

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ